

**ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА:
ПОДХОД Л. ВИТГЕНШТЕЙНА²⁰**

**THE PROBLEM OF INTERCULTURAL DIALOGUE:
WITTGENSTEIN'S APPROACH**

Н.В. Медведев

N.V. Medvedev

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,

Тамбов, Россия

G.R. Derzhavin Tambov State University,

Tambov, Russia

E-mail: mnv88@mail.ru

Статья посвящена особенностям философского подхода Л. Витгенштейна к проблеме межкультурного диалога. На основе витгенштейновской методологии рассматриваются необходимые предпосылки кросс-культурной коммуникации. Доказывается, что эпистемологический контекстуализм Витгенштейна нельзя смешивать с культурным релятивизмом.

Ключевые слова: межкультурный диалог; языковая игра; форма жизни; культурный релятивизм; следование правилу; контекстуализм.

The article is devoted to the peculiarities of Wittgenstein's philosophical approach to the problem of intercultural dialogue. Based on Wittgenstein's methodology, the necessary presuppositions for cross-cultural communication are considered. It is proved that Wittgenstein's epistemological contextualism can not be confused with cultural relativism.

Keywords: intercultural dialogue; language game; form of life; cultural relativism; rule following, contextualism.

Введение

Современный глобальный мир остро нуждается в налаживании продуктивного диалога между культурами и цивилизациями. Это обуславливает необходимость проведения научных исследований, направленных на разработку теоретико-методологического базиса, так называемой «стратегии наведения мостов», для достижения сотрудничества и взаимного доверия между народами. Посредством выявления возможных условий и предпосылок кросс-культурного понимания подобный шаг призван стимулировать рост языковой компетентности и сформировать

²⁰ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №16-33-00048-ОГН

ровать у людей отношение лояльности к разнообразным жизненным практикам и культурным моделям поведения, подверженных непрерывному обновлению в ходе человеческой истории. Предпринимаемые учеными (антропологами, культурологами, философами, социологами, лингвистами) усилия по обнаружению архимедовой точки опоры для проникновения в мир чужой культуры имеют своим результатом разработку разнообразных концепций и подходов к межкультурной коммуникации.

Одной из наиболее популярных версий в современных исследованиях межкультурной коммуникации является витгенштейнианская модель социальной науки [4]. Отдельные рассуждения позднего Л. Витгенштейна о возможных условиях понимания совершенно незнакомого языка оказываются созвучными современным дискуссиям по проблеме межкультурного диалога. Однако постижение метода Витгенштейна применительно к данной проблеме возможно только в рамках целостного осмысления его философии. В представленном исследовании рассматриваются особенности подхода Витгенштейна к проблеме межкультурного диалога. Это позволит нам не только критически осмыслить необходимые предпосылки кросс-культурного понимания в ракурсе витгенштейновской методологии, но и постичь интерпретативный характер социальных исследований, перформативную природу языка, ситуационную обусловленность значения, а также наличие внутренней взаимосвязи языка и мира. Проблема межкультурной коммуникации является многомерной: она затрагивает эпистемологические, концептуальные, ценностно-этические, мировоззренческие аспекты. Философско-мировоззренческую позицию австрийского мыслителя нередко характеризуют как релятивистскую. Я постараюсь доказать, что релятивистская интерпретация подхода Витгенштейна является ошибочной, это обусловлено смещением его эпистемологического контекстуализма с культурным релятивизмом.

Межкультурная коммуникация: перспектива Л. Витгенштейна

Л. Витгенштейн является зачинателем подлинной революции в философии социальной науки. Он акцентировал внимание на человеческих формах жизни, понятии реальности, роли социокультурного контекста, на способах употребления языковых выражений и их понимании. Философия Витгенштейна возникла как своего рода ответная реакция на проявление отдельных, критикуемых им аспектов современной западной культуры и цивилизации. Он считал, что сциентистский дух современной эпохи поощряет появление грамматических мифов, способствует неправильному пониманию работы повседневного языка, в котором отражаются различные регионы человеческого бытия.

Так, атака Витгенштейна на методологическую позицию Дж. Фрэзера [2] была мотивирована стремлением обосновать необходимость понимания моделей поведения представителей чужих культур изнутри, т.е. в контексте их собственных жизненных практик.

Философия языка позднего Витгенштейна основывается на двух фундаментальных предпосылках. С одной стороны, критикуя традиционное представление о языке как инструменте именовании вещей, он обосновывает тезис о том, что значение слов постигается в их употреблении. С другой стороны, Витгенштейн подчеркивает, что предложения постижимы только в рамках *не-языковой* деятельности, в которую они вплетены. Он обстоятельно разрабатывает ключевое понятие языковой игры, чтобы выделить внутреннюю взаимосвязь между языковой и не-языковой деятельностью: «Термин "языковая игра" призван подчеркнуть, что *говорить на языке* – компонент деятельности или форма жизни» [3, с. 90]. В свою очередь, понятие «форма жизни» может быть описано как совокупность практик, институтов и обычаев, которые формируют пространство нашей повседневной жизни.

Следует иметь в виду, что витгенштейновское понятие «форма жизни» шире понятия «языковой игры». Языковые игры выступают составными элементами форм жизни и образуют целостность общечеловеческой формы жизни. Последняя представляет собой комплементарное понятие, оно вбирает в себя культуру, мировоззрение, язык. Такое взаимное дополнение и сочетание указывает на то, что язык как непрерывное изменение и деятельность, может быть понят тем же способом, что и многообразные культуры. Существование различных форм жизни можно связать с концепцией культурной относительности, которая раскрывает механизм и характер восприятия чужого мышления и культурных моделей поведения. Согласно данной концепции, лишь *извне* можно критиковать тот способ, каким языковая игра представлена в мире другой культуры. Характер нашего *восприятия* является полностью ценностно-детерминированным, оно зависит от специфики нашего мировоззрения, культуры, от так называемой универсальной рациональности. Однако это не означает, что интерпретация языковой игры должна неизбежно сводиться к защите позиции культурного релятивизма. Задача человеческого разума применительно к конкретным случаям коммуникации заключается не только в том, чтобы достичь единой, согласованной позиции, которая приемлема для всех участников диалога. Более важным является реализация стремления одной из сторон межкультурного диалога понять точку зрения противоположной стороны, включая те отличительные особенности, которые характерны для обеих позиций.

Как представители человеческого рода, мы способны понимать то, о чем говорят люди другой, незнакомой нам страны, поскольку разделяем с ними единую человеческую форму жизни. В рамках целостной человеческой формы жизни как в прошлом, так и в настоящем живут и действуют разнообразные социальные группы, форма жизни которых заметно отличается от нашей. Можно задать вопросы, почему люди способны понимать друг друга? Каковы возможные и необходимые условия для постижения иных культур? Витгенштейн смоделировал ситуацию, когда мы прибываем в чужую страну, где культурные традиции и обычаи совершенно отличаются от наших: «Представь, в качестве исследователя ты приезжаешь в неизвестную страну, язык которой тебе совершенно незнаком. При каких обстоятельствах ты бы сказал, что люди там отдают приказы, понимают их, подчиняются им, противятся им и т.д.» [3, с. 164]. Действительно, мы не способны понять представителей незнакомой страны, потому что не понимаем смысла произносимых ими фраз, не знаем, какова их форма жизни, какие действуют у них правила языковых игр, какова структура языка, на котором они общаются.

Однако мы уверены в том, что языковые игры встроены в определенные модели поведения (формы жизни). По Витгенштейну, если нам удастся понимать иную форму жизни, то это только потому, что мы достигли согласия в действии, что является главным условием освоения различных языковых игр. «Совместное поведение людей – вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык» [3, с. 164]. Причем наши уверенные действия закрепляются через ежедневные практики употребления языковых правил. Так как языковые игры встроены в форму жизни, можно утверждать, что в случае понимания нами определенной формы жизни, мы знаем, как играть в ту или иную языковую игру и нам известны ее правила. Таким образом, с точки зрения Витгенштейна, возможно обеспечить межкультурную коммуникацию даже в случаях, когда участники диалога принадлежат к совершенно разным культурам. Языки обязаны своей понятностью тем практикам, в которые они вплетены. Эти практики могут значительно варьироваться от культуры к культуре, но человечество обладает всеобщей биологической природой, которая и образует основу наших социальных или культурных моделей поведения. Отсюда можно сделать вывод, что существуют универсальные модели человеческого поведения, и это обстоятельство делает возможным понимание других людей и осуществление межкультурного диалога. Мы можем полагаться на разделяемые или схожие практики как основу межкультурного диалога. Если практики, которые мы стремимся понять выгля-

дят слишком отчужденными относительно нашей культуры, то можно попытаться их освоить через социальное обучение. Межкультурная коммуникация может столкнуться с серьезными препятствиями в случае отсутствия у разных народов общих предпосылок деятельности, но в свете представленных выше рассуждений следует утверждать, что изначальные трудности будут постепенно преодолеваются. В итоге мы сможем не только понимать иные культуры, но и научимся их критиковать и оценивать.

И все же, какой уровень техники владения чужим языком нам необходим для того, чтобы понимать представителей другой культуры? В какой степени специфическая форма жизни заключена в нашем собственном межкультурном опыте? Можно ли констатировать о возможности бесчисленных языковых игр, наряду с существованием многообразных форм жизни? На мой взгляд, здесь необходимо сделать важное уточнение. Прежде всего, следует признать наличие всеобщей формы жизни людей, с которой связано человеческое бытие и которая, к сожалению, не позволяет нам понять льва, даже если бы он умел говорить [3, с. 311]. С другой стороны, основываясь на анализе возможного и действительного кросс-культурного опыта, можно утверждать, что каждый изученный нами новый язык открывает перспективу для понимания иной формы жизни с ее бесчисленными языковыми играми, встроенными в определенные культурные контексты или практики. Более того, познание любого языка, включая наш родной язык, открывает перед нами возможности для понимания специфических форм жизни. Но существование таких возможностей еще не означает, что у нас есть постоянный доступ к новой или иной форме жизни. Форма жизни может лишь свидетельствовать о существовании определенных языковых игр в разнообразных видах деятельности: употребление слов в пределах того же самого языка, акценты, жаргоны, диалекты, регионализмы, изобретенные в сообществе языки, смешение двух и более языков в рамках общих политических границ, – все это может служить напоминанием о существовании особых случаев.

Кроме того, совокупность языковых игр, отражающих ту или иную культурную перспективу, позволяет нам увидеть специфические формы жизни. Постигание того, что слова применяются, что со временем они могут устаревать, превращаться в архаизмы, выключаться из нашего повседневного употребления или вообще неверно употребляться, позволяет осмыслить феномен языка и формы жизни в деятельностном аспекте. Люди разделяют общие культурные предпосылки, модели поведения и в большинстве случаев, согласно Витгенштейну, проходят схожее *обучение*. Совместное обучение нацелено на то, чтобы научить

следовать общепринятым правилам игры или нормам социального поведения. Поскольку мы разделяем язык, культуру, мнения, обучение, постольку вместе с этим мы разделяем общую форму жизни. По словам Витгенштейна, это дано нам как необосновываемое: «То, что следует принимать как данное нам, – это, можно сказать, *формы жизни*» [3, с. 314]. Форма жизни должна приниматься потому, что, возможно, это единственная вещь, которую мы не выбираем произвольно по своему желанию. Понятие «форма жизни» Витгенштейна указывает на то, что существует так называемая твердая порода «языковых игр», которая может быть выделена в виде наиболее фундаментальных предложений на этическом, эпистемологическом, метафизическом и религиозном уровнях. Такие базисные предложения, принимаемые нами без всякого сомнения, являются данными. По сути, они имеют статус квази-эмпирических предложений, выполняющих функцию правил в языковых играх. «Форма жизни», таким образом, может рассматриваться как сложная сеть используемых нами правил в социальной жизни и языке. Мы не можем выйти за ее пределы. Форма жизни, с которой мы родились и выросли, имеет специфические черты и всегда остается с нами, независимо от того, куда бы мы не переехали и с кем бы не устанавливали тесные взаимоотношения. Естественный язык составляет органическую часть нашей жизни, нашего культурного (и межкультурного) опыта. Наша форма жизни выражается в языке. Это неизбежно. Таким образом, форма жизни и язык предстают как действия и необходимые предпосылки межкультурного диалога. Обычаи, традиция, религия, идеология – все это формируется, функционирует и приводится в соответствие с нашей формой жизни через язык.

Понятие языковой игры, видимо, можно истолковать в релятивистском ключе, учитывая, что практические и культурные контексты, в которые неизбежно встраивается язык, способны довольно значительно варьироваться. Невозможно занять позицию внешнего наблюдателя по отношению к многообразию языковых игр и форм жизни, которая позволила бы нам объективно их описывать и оценивать. Все это предполагает, вероятно, как считает Ю. Хабермас [5, р. 143], «монадологию языковых игр», каждая из которых управляется собственными стандартами или правилами.

Грамматика в понимании Витгенштейна есть набор правил, которые регулируют употребление языковых выражений и определяют границы смысла, воздействуя в итоге на наше описание и восприятие мира. Витгенштейн доказывает, что грамматика произвольна, потому что, с одной стороны, – разные грамматики характеризуются различными концептуальными средствами и альтернативными формами репрезента-

ции реальности; с другой стороны, невозможно сопоставлять грамматические структуры с неязыковой реальностью. Любая попытка осуществить такое сопоставление должна предполагать использование языка. В результате вместо того, чтобы быть просто зеркалом внутренней структуры мира, язык вносит решающий вклад в построение объектов нашего опыта: «Сущность ярко выражается в грамматике» [3, с. 200], «О том, какого рода объектом является нечто, дает знать грамматика» [3, с. 200].

С помощью понятия «следование правилу» Витгенштейн раскрыл социальное, прагматическое измерение регулируемой правилами речевой деятельности. Один из главных итогов его размышлений является тезис: правила не располагаются за пределами воплощаемых через них практик, чтобы подчиняться правилу, необходимо овладеть соответствующим видом практики в процессе воспитания и обучения. Поскольку говорение на языке есть деятельность, регулируемая правилами, постольку всякий индивид, желающий понять представителей другой культуры или языкового сообщества, должен освоить лежащие в основе их языкового поведения практики. Другими словами, понимание другого предполагает согласие с его формой жизни [3, с. 190]. С этой точки зрения отсутствие общих практик между различными сообществами ставит под угрозу возможность межкультурной коммуникации и, следовательно, критическое осмысление иных мировоззрений.

Заключение

Таким образом, метод Витгенштейна позволяет преодолевать концептуальные препятствия, встречающиеся на пути к согласованной межкультурной коммуникации. Универсальная человеческая форма жизни в виде общих социокультурных моделей поведения людей формирует основу для возможности межкультурного диалога. Можно сделать предположение о существовании «трансцендентальной языковой игры», которая открывает нам доступ к взаимопониманию через обращение к фундаментальным фактам человеческого рода [1, с. 226-227]. Наметившийся в последние десятилетия в социальных науках поворот к универсализму связан с обнаружением всеобщих «ан тропологических констант», что создает почву для выхода за пределы оппозиции «свое/чужое» и перехода к модели свое и иное как вариации общечеловеческого.

Подход Витгенштейна к проблемам межкультурного понимания актуализирует современные научные дискуссии о возможных предпосылках межкультурной коммуникации. Его философия содержит методологическую перспективу, направленную на преодоление крайностей культурного релятивизма. Кажущаяся, на первый взгляд, релятивистской

установка Витгенштейна на деле не является таковой, скорее она есть выражение позиции эпистемологического контекстуализма. Причем витгенштейновский контекстуализм нельзя отождествлять с культурным релятивизмом.

В заключение, мне хотелось бы провести параллель между подходами Витгенштейна и Гадамера, поскольку теория понимания последнего, опознаваемая через метафору «слияние горизонтов», может быть квалифицирована как антидот против культурного релятивизма. В соответствии с установкой эпистемологического контекстуализма Гадамер заявляет о невозможности для субъекта выйти за пределы собственного культурного горизонта или унаследованной традиции рациональности. Он описывает кросс-культурную коммуникацию как диалогический поиск истины, который способен привести собеседников к исправлению предрассудков и трансформации собственных горизонтов. Витгенштейн хотя и не оперировал понятием «слияние горизонтов», но оно, тем не менее, легко интегрируется в его способе мышления [6, р. 321]. Витгенштейн, таким образом, утверждает, что мы можем обеспечить себе доступ к различным культурам. Дополненный понятием «слияние горизонтов», витгенштейновский подход к проблеме межкультурного диалога становится более убедительным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Апель, К.-О. Трансформация философии. Пер. с нем. / К.-О. Апель. – М.: «Логос», 2001. – 344 с.
2. Витгенштейн, Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера / Л. Витгенштейн // Историко-философский ежегодник'1989. – М.: Наука, 1989. – С. 251-268.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Витгенштейн Л. Философские работы. – Часть I. – М.: Издательство "Гнозис", 1994. – С. 75-319.
4. Медведев, Н.В. Витгенштейнианская социальная наука / Н.В. Медведев // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 9. – С. 173-191.
5. Habermas, J. On the logic of the social sciences / J. Habermas. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. – 220 pp.
6. Silva Rui. Wittgenstein and the Problem of Cultural Relativism // Cultures: Conflict-Analysis-Dialogue. Papers of the 29th International Wittgenstein Symposium. August 6 – 12, 2006. Vol. XIV. Kirchberg am Wechsel, 2006. – Pp. 319-321.